ТОНИ ВУД

ФАКТЫ В ПОЛЬЗУ ЧЕЧНИ

«Все что случилось – это то, что всегда происходит, когда государство, обладающее огромной военной мощью, вступает в отношения с маленьким первобытным народом, который живет своей независимой жизнью. Либо под предлогом самообороны, хотя любые нападения всегда провоцируются нападками сильного соседа, либо под предлогом распространения достижений цивилизации на такой первобытный народ, хотя этот народ живет несравнимо лучше и более мирно, чем его «просветители» . . . слуги огромных военных держав совершают всевозможные злодейства по отношению к маленьким народам, утверждая, что иметь с ними дело по-иному просто невозможно.»

Лев Толстой, 1902 г. из наброска «Хаджи-Мурата»

Спустя 15 лет после окончания холодной войны карта Восточной Европы была основательно перекроена. Более десятка новых государств появились в результате распада Советского Союза и войн на территории бывшей Югославии, своеобразная дуга новых суверенных государств, простирающихся от Эстонии до Азербайджана. Большинство из них, по подсказке США, были инкорпорированы в евро-атлантические оборонные структуры, а некоторые даже приняты в ЕС в этом году; Эстония, Латвия и Литва теперь образуют внешний периметр Единого Рынка, а Грузия и Украина ускорили свои заявки для вступления в НАТО. Континент полностью изменился.

Чечня же представляет собой полную противоположность этим траекториям. Здесь, как и в Прибалтике, национальное движение за независимость зародилось в годы перестройки, и решение об объявлении национального суверенитета было практически единогласно одобрено демократическим путем в конце 1991 года. В том же году граждане Эстонии, Латвии и

Литвы подавляющим большинством проголосовали за выход из состава СССР; результаты референдумов были быстренько одобрены ВС СССР и три новых государства, с населением в 1.6, 2.7 и 3.7 миллиона человек соответственно, были приняты в ООН в течение всего нескольких недель.

Однако Чечня – республика площадью всего 15.000 квадратных километров (чуть меньше Уэльса) и с населением около одного миллиона – с 1991 года подверглась двум полномасштабным нападениям пятой по величине в мире армии и уже шестой год живет в условиях ужасной оккупации, цель которой поставить местное население на грань выживания и заставить его покориться. В то время как граждане прибалтийских республик могут свободно пересекать европейские границы, чеченцы вынуждены терпеть российские блокпосты и «зачистки», которые обычно заканчиваются пытками, вымогательством, исчезновениями и массовыми казнями задержанных, а также мародерством и дальнейшим обеднением оставшихся в живых. Масштабы разрушения просто невообразимы, жестокость бесконечна и бесконтрольна, а количество всех жертв подсчитать практически невозможно.

Обсуждение российско-чеченского конфликта практически никогда не заостряет внимание на такой поразительной разнице судеб, зачастую предпочтение отдается туманным официальным объяснениям «войны с террором» или же отговоркам, что это не что иное, как результат длительного исторического антагонизма. Наследие чеченского сопротивления российской колонизации – начиная с первых стычек с казацкими поселенцами в 16 веке до южного расширения Царской империи в 19 веке, а также в советский период – несомненно, сыграло роль в возобновлении движения за независимость. Сильнейшим стимулом также может считаться горький опыт депортации и высылки нескольких северокавказских народов в 1944 году. Между тем, прямые корни продолжающейся до сих пор войны можно найти в циничном плане Кремля — привести Путина к власти и взять реванш за поражения 1994-1996 гг.

Последовательная борьба за самоопределение всегда – и в прошлом и сейчас – являлась своеобразной основой чеченского

сопротивления. Требования чеченцев относительно скромны – полный суверенитет, сохранение экономических и социальных связей с Россией – и имеют под собой твердую конституционную опору. Однако ответ оказался абсолютно непропорциональным, жестокость нападений российских сил в этом регионе является беспрецедентной со времен Второй мировой войны. На Западе, в те редкие моменты, когда внимание сосредоточено на Чечне, практически единогласно признается, что независимость Чечни не следует поощрять ради блага российской демократии и зарождающегося капитализма. В данной статье делается попытка продемонстрировать насколько фактически несостоятельны и позорны в принципе аргументы, используемые для того, чтобы отказать чеченскому народу в его фундаментальном праве на собственное управление.

Пограничные мятежи

Чеченцы являются одним из огромного разнообразия народов, населяющих Северный Кавказ. На самом деле, «чеченец» – это русское название, появившееся после сражения возле одноименного села между казацкими поселенцами и местными жителями в 1732 году; сами чеченцы – согласно легенде происходящие («как искры из металла») от героя Турпала-Нохчуо – называют себя «нохчий», и очень близки ингушам, с которыми у них много схожих традиций. Оба народа, понимающие языки друг друга, вместе известны как вайнахи. Они населяют данный регион уже более 6.000 лет, живут преимущественно за счет разведения скота, натурального хозяйства и собирательства.

Как и у других горских народов, в чеченском обществе не было феодальных структур, вместо них были группы кланов, существовавших в равенстве, как гласит чеченская пословица «Свободные и равные как волки». Такая, по существу, демократическая форма социальной организации выделяла чеченцев из множества кавказских народов, таких как кабардинцы или аварцы, и должна была иметь глубокий смысл: во-первых, это означало, что не было местной элиты, с которой цари могли сотрудничать; во-вторых, в некотором смысле чеченцы изначально были идеально подготовлены для ведения партизанской войны.

Традиции сопротивления внешнему господству в Чечне поражают своей глубиной и последовательностью. Здесь они были гораздо сильнее, чем где бы то ни было, благодаря сочетанию ряда факторов: уже существовавшие социальные отношения, культурные образцы, конкретный исторический опыт и природные условия. Топография и демография имели решающее значение: чеченские горы, покрытые густым лесом, представляли собой гораздо лучшее укрытие, чем, скажем, в Ингушетии; кроме того, как наиболее многочисленный северокавказский народ, чеченцы поставляли большую часть бойцов для борьбы с российским господством. Их опыт борьбы выделяет их среди соседей, среди которых распространены чувства как восхищения чеченцами, так и обиды на них. Кроме всего прочего, именно различия в опыте чеченцев и ингушей и их отношении к российскому господству – ингуши преимущественно воздержались от восстаний 1840-1859 и 1920 гг. – стоят за решением Ингушетии отделиться от Чечни, принятом на референдуме в 1991 году.

Сопротивление поддерживается и сохраняется благодаря чеченской культуре, в которой, как и повсюду на Кавказе, честь – как военная, так и семейная – и гостеприимство является одной из основных черт. Основную роль здесь также играет память, и не только посредством устных традиций – посредством эпических песен и др. – но и традиционного долга помнить семь поколений предков. История – это не просто хладнокровное перечисление событий; это основа чеченской самобытности. Религия также была важным элементом: ислам проник на Восточный Кавказ в 17-18 веках, и смешался с местными анимистическими традициями. Суфистское братство, с его неприятием теократии и кредо сопротивления, которое объединяло разрозненные кавказские народы под знаменем исламской солидарности, стало основой наиболее эффективного сопротивления российскому колониальному господству в 19 веке.

Расширение России на юг началось с покорения Астраханского ханства Иваном Грозным в 1552 году, и именно к этому времени относятся первые контакты чеченцев с русскими. Однако изменения в области геополитики и приоритетов привели к тому, что имперские интересы России на Кавказе вновь появились

лишь в конце 18 века – и спровоцировали восстание Шейха Мансура 1785-1791 гг.; его армии полностью разбили войска Екатерины. После наполеоновских войн цари начали с усердием колонизировать этот регион, возводя линии из фортов на Тереке и Сунже, которые практически делят Чечню пополам.

Российская колониальная политика была похожа на ту, которую применяли другие европейские державы по отношению к таким родовым народам; на Кавказе эту политику в жизнь воплощал генерал Алексей Ермолов, пытавшийся с 1816 года покорить Чечню, где сопротивление было наиболее упорным, посредством карательных рейдов на горные села, коллективного наказания, уничтожения домовладений и урожая, вырубки лесов, насильственной массовой депортации, и расселения казаков на земли, освобожденные от чеченцев. Такой подход не только лишил иллюзий и привел в ярость все население, но имел и длительные социологические последствия. Стремясь вытеснить чеченцев с пригодных для земледелия равнин в горы, где они были практически обречены на голод, Ермолов препятствовал формированию феодальных и землевладельческих структур в чеченском обществе, тем самым и сам клановый порядок, благодаря которому сопротивление и было таким эффективным.

Изначально чеченцы отвечали на жестокость Ермолова вооруженными набегами на российские позиции. Однако к концу 1830-х годов сопротивление объединилось вокруг Имама Шамиля, аварца из Дагестана, который пропагандировал исламскую дисциплину для того, чтобы защитить местные традиции – в том числе адаты – в борьбе против захватчиков. В период между 1840 и 1859 гг. царские репрессии переросли в полномасштабную войну против пред-государства Шамиля. Армии Александра II одержали победу исключительно благодаря военной мощи, однако постоянные проблемы на южных рубежах империи в конце концов убедили царя, уже после Крымской войны, в необходимости завершить то, что его отец поручил Паскевичу, преемнику Ермолова, в 1829 г. – «уничтожить непокорных».

Насильственные депортации мусульманских народов Северного Кавказа начались в 1856 году и продолжались вплоть до 1864 года; в общей сложности 600.000 человек, в том числе 100.000 чеченцев, были высланы в Османскую империю, где десятки тысяч из них погибли от голода и болезней. Черкесы так и не смогли демографически возродиться; большинство чеченцев, которым удалось выжить, позже все-таки вернулись, однако многие остались и составляют значительные диаспоры в современной Турции и Иордане.

Восстание вновь вспыхнуло в Чечне и Дагестане в 1877-1878 гг., на этот раз мобилизованное преимущественно суфистским братством Кадири, но также было жестоко подавлено. Затем последовал относительно спокойный период, когда чеченцы оставались на социально-экономической грани, они испытывали еще больший недостаток земли, чем российские крестьяне – к 1912 году чеченцы и ингуши владели в два раза меньшими наделами земли на человека, чем казаки, населявшие равнины Терека.

Открытие нефтяных месторождений недалеко от Грозного в 1880-х годах способствовало быстрому промышленному и городскому развитию, однако и без того скудные заработки в этой отрасли почти полностью доставались приезжим российским рабочим; стоит упомянуть, что вплоть до 1970-х гг. Грозный оставался преимущественно русским городом. Но поскольку Империи нужны были надежные местные кадры, незначительной части чеченцев все-таки удалось получить российское образование. Именно из этих людей, которые находились под впечатлением идей народников и позже социал-демократов, в конце 19 века начала зарождаться местная интеллигенция; первоначально фокусируя внимание в своих научных работах в основном на сборе фольклора и традиций своего народа, в начале 20-го века она начали писать критические статьи на злободневные темы.

Несколько таких заметных фигур принимали участие в создании Северокавказской Горской Республики в 1918 году, пока другие бок о бок сражались с Красными во время Гражданской войны, что считалось наилучшим способом достижения местной автономии. (Среди них был и Асламбек Шерипов, чей брат

– Майрбек – возглавил восстание против Сталина в 1940 году). И, тем не менее, к концу эры царизма отчетливого чеченского национализма еще не было; стремления к суверенитету все-таки выражались в пан-Кавказских терминах.

От революции до высылки

Лидирующая роль, которую казаки сыграли в Белой армии, двинувшейся на Северный Кавказ в 1919 году, оживила оппозицию в Чечне. Мобилизованное суфистским братствами на селе и радикалами, такими как Шерипов в Грозном – который перенес стодневное «Белое» нападение в 1918 году – сопротивление принимало участие в боевых действиях против трети деникинских войск в решающий момент Гражданской войны. Тем не менее, после вывода белых войск в 1920 году, Красная армия поначалу продолжила применение практики карательных рейдов, и сопротивление продолжалось. К 1921 году Сталин был вынужден пообещать полную автономию вновь созданной Советской горской республике, принять местные исламские законы и вернуть земли, отданные казакам. В течение последующего года Советы передумали и отправляли в республику воинские подразделения для насильственного разоружения чеченцев высоко в горах; меры по дальнейшему усмирению приходилось применять вплоть до лета 1925 году, в том числе артиллерийские обстрелы и бомбардировки горных сел.

И хотя многие чеченцы по-прежнему рассматривали советскую власть как возобновление российского господства, другие же были более благосклонно расположены по отношению к коммунистическому порядку, считая его путем Чечни к современности. Многое из этой двусмысленности сохраняется по сей день, поскольку советская система предоставляла профессиональные возможности и социальную инфраструктуру, которой никогда не было при патриархате. В сфере культуры, чеченские писатели отошли от арабских поэтических традиций предыдущих столетий в сторону реалистичной художественной литературы на манер Горького; именно драматург и романист Халид Ошаев разработал латинскую транскрипцию чеченского языка в 1925 году – опередив Ататюрка на три года.

Однако, к концу 30-х гг. такая модернизация однозначно стала синонимом русификации. На символическом уровне это выражалось насильственным переводом языка на кириллицу, а в литературном смысле – приспосабливанием к административным границам, целью которых было выхолостить значимость титульных наций только что созданных Кавказских Автономных Советских Социалистических Республиках, смешивая различные группы и присоединяя к ним территории, заселенные преимущественно русским населением.

Как и в других регионах СССР, начало коллективизации в Чечне осенью 1929 года ознаменовалось началом качественно иной фазы советской истории. В ответ на произвольные аресты и конфискацию домашнего скота, вновь появилось вооруженное сопротивление: сжигались архивы и были убиты десятки агентов ГПУ, что спровоцировало отправку подразделений Красной армии в Чечено-Ингушетию в декабре того же года. Войска понесли тяжелые потери и Кремль несколько смягчил свою линию до 1931 года, когда ГПУ арестовало 35.000 чеченцев и ингушей за «антисоветчину». В следующем году начались нападки на местную интеллигенцию, хотя 3.000 арестованных в 1932 году это значительно меньше 14.000 – или 3% от общего населения – арестованных во времена Ежова в 1937 году; тем не менее, партизаны продолжали действовать в горных районах на юге Чечни вплоть до 1938 года. Косвенным показателем количества жертв арестов и репрессий можно считать тот факт, что в период между советскими переписями 1937 и 1939 гг. население Чечено-Ингушетии сократилось на 35.000.

Однако действия ГПУ почти ничто по сравнению с геноцидными депортациями 1944 года. Если ГПУ действовало практически по всей территории СССР, депортации были исключительно сфокусированы на отдельных регионах. Советские власти действовали под предлогом того, что некоторые северокавказские народы и крымские татары якобы в массовом порядке сотрудничали с оккупационными немецкими войсками. Чеченские эмиграционные круги – в том числе внук Шамиля – имели краткие контакты с немецкими властями. Однако в самой Чечне возможности сотрудничества с врагом были ограничены: захватив Ростов, Ставрополь, Краснодар и

Моздок к концу августа 1942 года, Вермахт сделал остановку, прежде чем двинуться на Грозный; единственным городом Чечено-Ингушетии, над которым им удалось установить контроль до отступления в конце 1942 году, был Малгобек, где население было преимущественно русским. Как в Чечне, так и в других регионах, горстка коллаборационистов не идет ни в какое сравнение с тем количеством кавказцев и татар, которые добровольно вступили в ряды Красной армии – только чеченцев было 17,413 человек – или же сражались в партизанских формированиях за линией фронта.

Несомненно, настоящим же мотивом таких действий было упорное нежелание большинства чеченцев, кроме всего прочего, подчиняться советской власти. Именно на этом основывалось националистическое восстание во главе с Хасаном Исраиловым и Майрбеком Шериповым, которое началось в 1940 году – когда Гитлер и Сталин официально были союзниками – и которое к 1942 году установило контроль над несколькими горными районами и даже сформировало временное правительство – северокавказский национальный комитет. Хасан Исраилов писал в своем воззвании к чечено-ингушскому народу:

> Вот уже 20 лет советская власть борется с моим народом, стараясь уничтожить его группа за группой; сперва кулаков, затем мулл и «бандитов», затем буржуазных националистов. Я уверен, что настоящей целью этой борьбы является уничтожение нашего народа целиком. Вот почему я решил взять на себя руководство в борьбе моего народа за независимость». Вместо того, чтобы сражаться с гитлеровскими армиями, советская авиация «утюжила» горные аулы в попытке уничтожить Северокавказский национальный комитет.

План депортации был составлен в октябре 1943 года и носил кодовое название «Операция чечевица», тем самым используя фонетику для того, чтобы указать на тех, против кого план и разрабатывался. 23 февраля 1944 года под личным присмотром Берия 478.000 чеченцев и ингушей были усажены с студебекеры, а затем вместе с 50.000 балкарцев отправлены, в Среднюю Азию в вагонах для скота; та же участь ждала калмыков и карачаевцев. Еды почти не было, люди умирали от болезней, холода и голода. Согласно официальным данным НКВД, 23.7% умерли в пути,

т.е. в поездах погибло 144.704 человека. По некоторым оценкам, в результате такой высылки только чеченцев погибло от 170.000 до 200.000.

Возвращение из ссылки

Хотя восстание под предводительством Исраилова было всего лишь проблеском современного чеченского национализма, печальный опыт депортации и ссылки способствовали его развитию. Жестокая специфика советской национальной политики и чувство общей горькой судьбы в значительной степени способствовало формированию национального чеченского сознания. Сифустские братства сыграли ключевую роль и в ссылке, поскольку их подпольная активность сохраняла особую чеченскую религиозную традицию. И хотя во время перестройки ислам вновь активно вошел в жизнь людей, нет никаких сомнений, что в Чечне религия играла роль «духовной оболочки национальной борьбы».

В ссылке выжившие чеченцы и ингуши столкнулись со строгими ограничениями поселения и могли заниматься в основном физическим трудом. С наступлением де-Сталинизации в конце 1950-х гг. они устремились назад в воссозданную Чечено-Ингушскую АССР. Но и после возвращения они подвергались ужасной дискриминации, их практически не принимали на работу в качестве квалифицированной рабой силы – что еще больше сплотило национальное самосознание, которое начало развиваться еще в ссылке. В поздне-советский период чечено-ингушская экономика была разделена на две сферы. Сильно урбанизированное русское население – 24% из 1.2 миллионного населения республики в 1989 году – доминировало в нефтяном и машиностроительном секторе, здравоохранении, образовании и социальной сфере. Преимущественно сельское чеченское и ингушское население – численность чеченцев была гораздо выше, примерно 64% населения АССР – работало в сельском хозяйстве, строительстве и криминальной сфере.

Учитывая большую рождаемость среди чеченцев и ингушей, чем среди русских, к 1989 году такой дисбаланс привел к переизбытку рабочей силы приблизительно на 100.000 человек (а четверть

всех этнических чеченцев уже проживали за пределами Чечено-Ингушетии), которые тщетно искали хоть какой-то заработок. Кроме того, как и в остальных регионах Северного Кавказа, уровень зарплат в Чечено-Ингушетии был значительно ниже, чем в остальном Советском Союзе, социальная база также была значительно беднее: в 1985 году средняя зарплата составляла 83% от среднего заработка в РСФР, а к 1991 году этот показатель снизился до 75%; смертность среди новорожденных составляла 23 случая на 1.000 родов в 1987 году, тогда как в РСФСР показатель был 14 на 1.000. В 1989 году только 5% населения Чечено-Ингушетии имели высшее образование, а 16% вообще были необразованными.

Основная тяжесть такого экономического апартеида, конечно же, проходилась на сельское население – согласно переписи 1989 года, 59% в Чечено-Ингушетии, по сравнению с 27% в РСФСР в целом – и именно на бедном юге республики движение независимости получило наибольшую поддержку. К концу советской эпохи, малочисленная интеллигенция Чечни – преимущественно продукт коммунистической системы – также настаивала, по крайней мере, на пересмотре условий членства Чечни в составе СССР.

Фактически, как и повсюду в Восточной Европе, руководство националистического движения происходило не из политической элиты, а из местных артистических и интеллектуальных кругов – поэт Зелимхан Яндарбиев и актер Ахмед Закаев, например – хотя некоторые, такие как Джохар Дудаев и Аслан Масхадов пришли из Советской Армии, одного из относительно малочисленных советских институтов, открытых для чеченских талантов. Между тем, финансовая поддержка поступала от местных лидеров, таких как Яраги Мамадаев или московской национальной диаспоры – гораздо более многочисленной и зажиточной, чем чеченские диаспоры за границей, которые не имели почти никакого влияния на современные события на их исторической родине.

В 1990-1991 гг. одну из ключевых ролей сыграл тот факт, что, в отличие от большинства российских титульных этнических республик, в Чечне не было местной номенклатуры, которая

могла запросто сохранить власть в своих руках. Причины те же, что способствовали возникновению самого чеченского национализма. ГПУ сняло всех дореволюционных лидеров и представителей интеллигенции; но именно депортация и последующая дискриминация «помешали чеченцам сформировать сплоченную, самоуверенную советскую элиту, которая могла бы разрешить ситуацию мирным путем, когда Советский Союз начал распадаться».

Объявление независимости

Как и в Прибалтике, основы чеченского движения за независимость лежат в неформальных объединениях, возникших во время перестройки, такие как ученое общество «Кавказ», «Барт» («Единство») – которое в 1990 году превратилось в Вайнахскую демократическую партию – и Народный фронт Чечено-Ингушетии. Последняя была тесно связана с местным отделением Партии и КГБ, и изначально ограничивалась лишь организацией протестов по вопросам окружающей среды, как, например, планировавшееся строительство химического завода в Гудермесе, или защите чеченской культуры. Однако само понятие полной независимости стало занимать центральное место дискуссий в 1990 году, и более радикальные силы одержали верх.

26 апреля Горбачев обнародовал закон, предоставлявший всем российским АССР «всю полноту власти на их территории» и объявлял их полноправными субъектами СССР, имевшими конституционное право на выход из состава Союза. Во время своего визита в Казань в августе 1990 года, уже ведя предвыборную кампанию за президентство в РСФСР, Ельцин, как известно, предложил российским этническим республикам «взять столько суверенитета, сколько они в состоянии переварить». Первый чеченский национальный конгресс, состоявшийся в ноябре 1990 года с полного согласия местного ЦК, принял это предложение и объявил о суверенитете Чеченской Республики Нохчи-чо, но также постановил, что новое государство должно остаться частью СССР.

На тот момент основные разногласия между чечено-ингушскими политическими силами касались состава нового национального руководства, формы отношений с Москвой и роли ислама. Все основные фракции Чеченского национального конгресса – коммунисты, светская группа из числа советской интеллигенции и Народного фронта; радикальные чеченские националисты, такие как Вайнахская демократическая партия, многие члены которой выступали за некую форму исламского государства – выступали «как минимум» за полный суверенитет. И только в 1991 году, когда на горизонте уже маячил распад Советского Союза, такой консенсус был разрушен, когда местная Партия еще цеплялась за власть, а националистическая оппозиция набирала силу. Основными игроками стали Вайнахская демократическая партия во главе с Зелимханом Яндарбиевым и Исполнительный конгресс Чеченского национального конгресса, который с марта 1991 года возглавлял Джохар Дудаев.

Предыдущие пять лет Дудаев командовал дивизией дальней авиации в Тарту и находился под сильным влиянием возрождавшегося движения за независимость Эстонии. Он уехал из Эстонии, когда на референдуме большинство жителей высказалось за отделение – именно это событие придало смелости его позиции: население Эстонии составляло 1.6 миллиона человек, что было немногим более населения Чечено-Ингушетии, хотя в Эстонии или Латвии доля российского меньшинства была гораздо выше. Приезд Дудаева в Чечню способствовал радикализации Исполнительного комитета, который вскоре сформировал вооруженную Национальную гвардию и к лету 1991 году уже открыто призывал к роспуску Верховного Совета Чечено-Ингушетии, заявляя, что легитимной властью обладает только Национальный Конгресс.

Решительный удар власти местной Партии нанес августовский путч против Горбачева. И пока руководители чеченского ЦК не заняли никакой решительной позиции, Исполнительный комитет Дудаева организовывал митинги и призывал к началу всеобщей забастовки в поддержку Ельцина. Имела место классическая революционная ситуация двойственной власти, пока 6 сентября Национальная гвардия и полувоенная партия «Исламского пути» Бислана Гантамирова не захватили Верховный совет.

Сотни людей из чеченских сел устремились в Грозный, чтобы поддержать Дудаева, а тем временем в сентября националисты уже установили контроль над правительственными зданиями.

Ответ Исполнительного комитета на предложение Ельцина о замене Верховного совета Временным советом, некий компромисс, который был больше по вкусу местному ЦК, должен был сформировать временное правительство и назначить выборы на 27 октября. Дудаев одержал ошеломляющую победу и объявил о независимости во время своей инаугурации 1 ноября. В конце того же месяца ингуши проголосовали за отделение от Чечни и приняли решение остаться в составе России в качестве АССР.

Объявление Дудаевым о независимости было последним из целой серии подобных событий, начавшихся в марте 1990 года в Литве. В августе о своей независимости объявила Армения, в апреле 1991 года – Грузия, в период с 20 по 31 августа 1991 года – Эстония, Латвия, Украина, Беларусь, Молдова, Азербайджан, Кыргызстан и Узбекистан; Таджикистан сделал это в сентябре, Туркменистан в октябре, а Казахстан в декабре.

Различия в судьбе этих государств и Чечни просто поражает. 6 сентября, например, Кремль признал независимость Эстонии, Латвии и Литвы и уже 17 сентября эти три государства стали членами ООН; Украина и Беларусь уже были членами организации, все остальные бывшие советские республики были приняты в ООН 2 марта 1992 года (кроме Грузии, которой пришлось подождать до июля из-за отсутствия правительства). Между тем 2 ноября 1991 года Верховный совет РСФСР объявил о незаконности выборов, на которых победу одержал Дудаев. В ночь с 8 на 9 ноября российские спецподразделения вылетели на военную базу в Ханкале, чтобы отстранить Дудаева от власти. Однако попытка переворота была сорвана совместными усилиями вооруженной чеченской оппозиции и трудностями Горбачева, который все еще формально являлся главнокомандующим Советских вооруженных сил, но не хотел повторения кровопролития, имевшего место в январе в Литве. Униженные российские подразделения покинули Чечню

и в течение последующих трех лет республика фактически стала независимой.

Отделение Чечни произошло в полном соответствии с законом СССР, а количество избирателей, поддержавших на выборах Дудаева, говорило о глубине народной поддержки идеи полной независимости. Кроме того, несмотря на все последующие попытки поставить под сомнение ее легитимность, российские власти несколько раз де-юре признавали независимость Чечни. 14 марта 1992 года, после переговоров о целом ряде правовых, экономических вопросов и вопросов безопасности, представители Чечни и России подписали протоколы, ясно указывавшие на «политический и государственный суверенитет Чеченской Республики», что и было закреплено документами, подписанными 28 мая и 25 сентября того же года.

Дудаев у власти

Дудаевскую Чечню обычно описывают как некий анклав беззакония, погрязший в преступности, коррупции, политической и экономической нестабильности, причем вся вина возлагается исключительно на республиканского лидера в погонах. Если сравнить ситуацию на тот момент в Чечне с тем, что происходило в других бывших советских республиках, мы получим несколько более сбалансированную оценку.

В последующие года, сразу после 1991 года, все постсоветские государства оказались на грани экономической катастрофы. Наиболее приемлемое сравнение с Чечней можно найти на примере республик Закавказья, где резко упали показатели ВВП – на 35% в Азербайджане в 1991-1992 гг. и еще на 23% в 1992-1993 гг.; на 40 и 32% соответственно в Грузии, на 52 и 15% в Армении – и отмечался серьезный спад промышленного производства: на 1992 год спад составил 44, 48 и 24% в Грузии, Армении и Азербайджане соответственно. В Чечне промышленное производство сократилось на 30% в 1992 году и на 61% в 1993 году – в основном из-за массового оттока в начале 1990-х гг. преимущественно русских специалистов нефтяной промышленности, которая и являлась основным источником поступлений в республике. И хотя, несомненно,

правительство Дудаева не имело почти никакого опыта в сфере экономики, проблемы Чечни были частью широкой катастрофической тенденции.

Политическая ситуация Чечни сильно контрастировала с номенклатурной диктатурой в Центральной Азии или Азербайджане, она больше напоминала бурные события в постсоветской Грузии, где президента Звиада Гамсахурдиа свергли в результате военного переворота в 1992 году, а в 1993 году его убили. Политическую оппозицию Дудаева изначально представляли бывшие партработники и промосковские чеченцы равнинной части республики, но вскоре к ним присоединилась деловая элита, недовольная «неблагоприятной» для нее экономической ситуацией после 1991 года (и нежеланием правительства Дудаева следовать по приватизационному пути федерального центра). Как было и в Грузии, правительство Ельцина продолжало финансировать и вооружать оппозицию, которая организовала несколько покушений на жизнь Дудаева.

На это давление Дудаев отвечал популистским жестами в сторону беднейших слоев населения, населявших преимущественно южные районы республики – так, например, в 1994 году Чечня была переименована в Чеченскую Республику Ичкерия в честь высокогорного района – и дальнейшим усилением президентской власти начиная с 1993 года. Роспуск Дудаевым парламента в апреле 1993 года несколько подпортил его демократическую репутацию – хотя он не дошел до того, чтобы расстреливать здание недовольного парламента из танков, что сделал Ельцин в октябре того же года.

Необходимо также напомнить, что в отличие от Александра Руцкого и Руслана Хасбулатова, которые и возглавили мятеж против Ельцина, чеченская оппозиция активно финансировалась агрессивной иностранной державой с конечной целью отмены суверенитета Чечни. Кроме того, несколько по-московски настроенных районов, утверждавшие, что они натерпелись от диктатуры Дудаева, в одностороннем порядке объявили об отделении от Чечни в июне 1993 года, без какого бы то ни было намека на демократические процедуры. Именно такой

конституционный беспорядок, созданный самой Россией, послужил предлогом для военного вторжения в 1994 году.

О разгуле преступности при Дудаеве писалось очень много. В поздне-советский период чеченцы были хорошо известны в теневой экономике, в основном из-за того, что они не имели доступа к законным секторам экономики. Но, как и везде, рост преступности в Чечне после 1991 года был связан в первую очередь с постсоветскими экономическими проблемами. На фоне катастрофической де-индустриализации и невероятно высоких показателях инфляции, преступность стала «делом простого выживания». Вокруг трубопровода Баку-Новороссийск, который тогда проходил через самое сердце Чечни, возник высокодоходный бизнес, а грозненский аэропорт превратился в некую свободную зону для контрабанды.

Здесь необходимо отметить два момента: во-первых, это было бы невозможно без соучастия российских властей, контролировавших воздушное пространство Чечни и пограничные переходы; во-вторых, такая, фактически преступная приватизация была маленькой версией воровской оргии, которая в то время имела место в самой России. Чеченцы были своего рода «младшими партнерами в волне коррупции и преступности, исходившей из российской столицы».

Ельцинский Вьетнам

Очевидно, что российские власти рассматривали возможность военной интервенции в Чечню задолго до 1994 года: Руцкой выступал за это еще в октябре 1991 года, а небольшие военные противостояния на границе с Чечней имели место дважды в 1992 году. Тем не менее, война была непосредственно спровоцирована очередным провалом российских спецподразделений в Чечне 26 ноября 1994 года.

Российские силы вошли на территорию Чечни 11 декабря и на всем протяжении месяца Грозный подвергался бомбардировкам, по некоторым оценкам, гораздо более интенсивным чем Сараево или Бейрут. С наступлением Нового Года началось и полномасштабное наступление, неся

серьезные потери, российские силы взяли Грозный в марте. Центр города был практически полностью разрушен. Такое массовое непропорциональное применение силы повторялось неоднократно – жесточайшая резня, по крайней мере, двухсот жителей села Самашки 6-8 апреля 1995 года – однако наступление российских войск замедлилось весной 1995 года, и оккупационные силы по большей части стремились заключать локальные перемирия, чем вступать в столкновения с чеченскими вооруженными формированиями.

Рейд Шамиля Басаева на Буденновск в мае 1995 года и последовавшие переговоры дали так необходимую чеченскому Сопротивлению передышку, бойцы которого были уже способны просочиться через линии российских войск в достаточном количестве, чтобы захватить ключевые города – например, в декабре 1995 года они удерживали Гудермес несколько дней.

С самого начала боевых действий можно было наблюдать довольно серьезное противодействие войне не только в рядах российской общественности, где уже начало зарождаться пусть небольшое, но твердое антивоенное движение, но и в самой армии. Еще 13 декабря 1994 года танковая колона отказалась стрелять в группу женщин, заградивших дорогу на Чечню. Огромные потери российской армии сильно подрывали моральный дух военнослужащих и мысль о выводе войск из Чечни становилась все популярнее. Весной 1996 года, предвкушая поражение на предстоящих президентских выборах и не в состоянии справиться с дерзкими и довольно крупными нападениями бойцов чеченского Сопротивления, Ельцин выступил с символической мирной инициативой, но затем отдал приказ о ликвидации Дудаева, который погиб в результате попадания российской ракеты 22 апреля 1996 года. Яндарбиев стал и.о. президента Чечни.

Впоследствии Россия то предлагала прекращение огня, то опять возобновляла наступление, особенно после того, как Ельцин одержал победу на выборах в июне – не в последнюю очередь благодаря активной политической и финансовой поддержке Запада, организованной администрацией Клинтона. МВФ предоставил кредит в 10.3 миллиарда долларов – причем было

ясно дано понять, что в случае поражения Ельцина деньги заберут – и Всемирный банк одобрил выдачу кредита в 200 миллионов долларов.

Решимость начать переговоры появилась после наступления сил чеченского Сопротивления на Грозный, Гудермес и Аргун – которое по времени совпало с инаугурацией Ельцина 9 августа – и отбросившее Россию назад на позиции декабря 1994 года. 31 августа генерал Александр Лебедь и главнокомандующий ЧРИ Аслан Масхадов подписали Хасавюртовские соглашения, по которым Чечня признавалась субъектом международного права, хотя окончательное определение статуса республики откладывалось до конца 2001 года.

Первая российско-чеченская война стала унизительным поражением для русских и, несмотря на одержанную победу, катаклизмом для чеченцев. По самым скромным подсчетам, российская армия понесла огромные потери – 7.500 погибших, с чеченской стороны погибло порядка 4.000 бойцов Сопротивления и не менее 35.000 гражданских лиц – всего как минимум 46.500 загубленных жизней; по другим данным количество потерь варьируется от 80.000 до 100.000 человек.

Воображаемое домино

Одним из основных аргументов в защиту ельцинской агрессии против Чечни было то, что независимость Чечни спровоцирует целый ряд сепаратистских войн в других регионах России, так называемый «эффект домино». Однако такое предположение кажется весьма сомнительным. Как недавно написал в газете «The Financial Times» Роберт Уэйд, вероятность сепаратизма увеличивается «еще больше, если выполняются три условия: расположение на не-российской границе; население с не-русским большинством; вероятная база поступлений от экспорта». Рассматривая второй пункт, демографию, стоит отметить, что из 31 титульных этнических республик РСФСР в 1991 году лишь в 4 было абсолютное большинство титульных групп – в Северной Осетии, Туве, Чечено-Ингушетии и Чувашии – еще в 3 было простое большинство: Татарстан, Кабардино-

Балкария, Калмыкия. В остальных республиках большинство составляли русские.

В экономическом плане, все за исключением двух из вышеперечисленных республик были серьезно зависимы от федерального бюджета; только Татарстан, один из основных производственных центров, где добывалось 25% всей нефти в стране, и Чечено-Ингушетия, где производилось до 90% российского керосина, были чистыми «давальцами». Только эти две республики отказались подписывать федеральные соглашения с Россией в 1992 году; но для Татарстана главным вопросом было распределение доходов между центральной и периферийной номенклатурой, и, в конце концов, соглашение было достигнуто в начале 1994 года. И только в Чечне возникло демократическое движение за отделение, и только там идея независимости получила такую значительную общественную поддержку.

А что же имела возразить на это Россия? Чечня расположена очень близко к перешейку, разделяющему Черное и Каспийское моря, и у российских властей очень часто возникало дурное предчувствие, что независимая Чечня будет способствовать тому, что другие кавказские народы объединятся в единое государство, и тем самым станут серьезной помехой российским трубопроводам и поставят под угрозу жизненно важные геополитические интересы России. Однако после первоначального всплеска солидарности в начале 1990-х гг., интерес к возможному созданию пан-Кавказского государства быстро поубавился – особенно в свете войны между Ингушетией и Северной Осетией в 1992 году – и к 1994 году чеченцы оказались в полной изоляции. Однако самым опасным фактором оказалась российское стратегическое лицемерие: негодуя по поводу возможного отделения Чечни, Россия и по сей день вооружает и поощряет сепаратизм в Южной Осетии и Абхазии.

Когда же мотивы восстановления порядка, предотвращения распада России и защиты ее стратегических интересов отброшены, как тогда можно объяснить решение о вторжении в Чечню в конце 1994 года? Ключевую роль здесь сыграл министр по национальной политике Сергей Шахрай, только что

заключивший договор с Татарстаном, и давно испытывающий личную неприязнь к Дудаеву. В более широком смысле, Джон Данлоп указывает на «всплеск жестокой формы российского нео-империализма», целью которой являлось восстановление господства России над ее периферией.

После поражения в Афганистане и победы американцев в Персидском заливе, российские военные были полны желания вновь громко заявить о себе. А основным стимулом стала крайняя потребность ельцинского режима в «маленькой победоносной войне» для консолидации его безнадежно коррумпированного и все более непопулярного правления. Подобные ссылки делались на русско-японскую войну 1904-1905 гг.; то же самое повторил в 1994 году и секретарь Совета Безопасности РФ Олег Лобов, якобы добавивший, «как у американцев на Гаити». Такое же отчаянное стремление удержать рычаги власти и связанные с этим финансовые потоки, несомненно, убедили ельцинскую клику в абсолютной необходимости заключения перемирия в Хасавюрте два года спустя, когда чеченские силы фактически загнали российскую армию в тупик.

Региональные последствия

Ужасы Беслана, где 3 сентября этого года погибло более 350 человек в результате штурма российскими спецподразделениями школы, в которой некая группа исламистов Шамиля Басаева удерживала заложников, являются частью логики эскалации насилия, порожденного российской оккупацией. Тогда как внутри Чечни сопротивление преимущественно приняло форму партизанских вылазок против российских сил и промосковских чеченцев, в ходе второй чеченской войны насилие выплеснулось за пределы республики – включая тактику самоубийственных взрывов, которая до этого не применялась. Безусловно, такие методы являются, кроме всего прочего, выражением крайней степени отчаяния, используются людьми, которым уже нечего терять, кроме своей собственной жизни.

После таких самоубийственных подрывов правительственных зданий и военных целей в Моздоке, Гудермесе, Знаменском и других населенных пунктах, а также взрывов в общественных

местах в Москве, российский официоз заговорил о «палестинизации» чеченского Сопротивления. Однако очевидная причина такого поворота событий в основном замалчивается – это «израилизация» российской стратегии. Огромное количество блокпостов, препятствующих свободному передвижению населения; убийства невооруженных гражданских лиц; полная безнаказанность оккупационных сил; умышленное доведение до крайней бедности и повсеместное унижение жителей оккупированной территории – все эти признаки характеризуют сегодняшнюю ситуацию как на Западном берегу, так и в Чечне. В феврале текущего (статья написана в 2004 году – ред.) года Россия вновь прибегла к тактике точечного уничтожения, когда в Катаре был убит бывший и.о. президента ЧРИ Яндарбиев – говорят, что помощь в проведении операции оказали израильские спецслужбы.

Точно так же как Израиль поступает на Западном берегу, в Газе и Ливане, российские силы проводят рейды в лагерях беженцев в Ингушетии, которые рассматриваются «рассадником и убежищем» бойцов Сопротивления. Такие многократные набеги еще больше озлобили беженцев и местное население, разницы между которыми российские солдаты не видят или не хотят видеть. Необходимо отметить, что нападения на правительственные объекты в Назрани в июне этого года были осуществлены преимущественно ингушами, и что среди тех, кто захватил заложников в Беслане, ингушей было не меньше, чем чеченцев. И хотя сейчас российские власти с тревогой говорят о возможности распространения конфликта на весь регион, его распространение и дальнейшая эскалация вызваны исключительно действиями России.

Существует множество социально-экономических причин для недовольства российским правлением на Северном Кавказе. Регион по-прежнему остается одним из самых бедных, уровень заработной платы там значительно ниже, а официальный уровень безработицы в несколько раз выше, чем в среднем по стране – 29% в Дагестане и 35% в Ингушетии, по сравнению с 9% по стране.

Что характерно, Путин предпочитает бороться с возможными политическими вызовами со стороны лишенных гражданских прав людей посредством принудительных мер, в первую очередь, обеспечением избрания лояльных кадров КГБ, таких как Мурат Зязиков – ставшего президентом Ингушетии после того, как Путин срежиссировал отставку Руслана Аушева – а сейчас еще и отменой выборности губернаторов, которые теперь будут просто назначаться.

Безусловно, все это является часть гораздо более масштабной ре-централизации власти Путиным; но все же, Чечня имеет формирующее влияние на стратегию и структуру новой российской политической элиты. Двое из семи полномочных представителей президента, назначенных в 2000 году, являются бывшими командующими на чеченской войне, а еще несколько ветеранов стали региональными руководителями или же заняли другие официальные посты. Помимо целесообразного нападения на ослабленного противника, война в Чечне является еще и важной кузницей кадров для путинского проекта нео-авторитаризма.

На глазах у Запада

Как же мировое сообщество реагирует на продолжающийся штурм чеченской государственности? Как сдержанно отмечает сотрудник МИД ЧРИ Роман Халилов, «репутация международного сообщества в области своевременного, безболезненного признания отделения весьма скверна». В этом отношении Чечня пала жертвой откровенной «realpolitik». Западные правительства одобрили ельцинскую войну как прискорбный побочный эффект президентства, которое было необходимо продлить любой ценой, чтобы капитализм в России успешно развивался. Путин также воспользовался подобным трусливым консенсусом. Как бы много не писали о том, какой ущерб хрупкой российской демократии наносит арест и содержание под стражей руководителя ЮКОСа Михаила Ходорковского, именно в Чечне раскрывается истинная сущность путинского режима, и судить о нем нужно именно по тому, как поощряется разгул насилия в республике.

Ранняя критика путинской кампании со стороны таких организаций как ОБСЕ и ПАСЕ довольно скоро смягчилась и была отброшена европейскими правительствами как контрпродуктивная на фоне попыток принять Путина в объятия Европы. В сентябре 2001 года, когда санкционированные государством убийства совершались в Чечне с полной безнаказанностью, Путина стоя приветствовали в Бундестаге; летом 2002 года Ширак одобрил российское видение «антитеррористической операции», а в августе 2004 года в Сочи он и Шредер вновь говорили о своей поддержке путинского курса. Коллективные усилия ЕС ограничиваются гуманитарной помощью лагерям беженцев в Ингушетии.

Несмотря на неоднократные попытки представителей Президента Масхадова, ООН отказывается встречаться с законно избранными лидерами – хотя Кофи Аннан достаточно быстро выступил с соболезнованиями по поводу убийства Кадырова в мае текущего года. Во время своего визита в Москву в 2002 году Аннан даже похвалил усилия Путина, направленные на разрешения конфликта – что можно рассматривать как благодарность накануне его переизбрания генсеком ООН на второй срок. Вопросу о действиях России в Чечне обычно отводится второстепенное место на заседаниях Комиссии ООН по правам человека.

Ждать помощи откуда-нибудь еще тоже не приходится. Арабские правительства подчеркивают свою поддержку в вопросе целостности России, а в 1999 году министр иностранных дел Ирана Камаль Харазси настаивал, что российско-чеченская война является делом сугубо внутренним. Китай рассматривал попытки Ельцина, и сейчас рассматривает попытки Путина по подавлению стремления чеченцев к независимости в качестве полезного прецедента для своих отношений с Тибетом и другими провинциями.

Официальная реакция США, конечно же, была обусловлена требованиями «войны с террором». После нападений на ВТЦ и Пентагон, Путин, не теряя зря времени, связал события в Чечне с более масштабной борьбой с исламским экстремизмом, и дал США добро на размещение военных баз в Центральной Азии,

которая являлась бывшей сферой влияния СССР, в качестве услуги за одобрение Вашингтоном войны в Чечне. Ответом администрации Буша стало так необходимое молчание – хотя это означало изменение курса для многих нео-консерваторов, чья враждебность по отношению к России означает поддержку идеи независимости Чечни оттуда, откуда ее не ждали. Членами Американского Комитета за Мир в Чечне являются Ричард Перл, Кеннет Адельман, Эллиот Абрамс, Мидж Дектер и Джеймс Вулси. Вне официальных кругов, такие фигуры как Ричард Пайпс также выступает в поддержку независимой Чечни, указывая на тот факт, что авторитаризм присутствует в генах русских, и что Путину было бы хорошо извлечь те уроки, которые генерал де Голь извлек в Алжире.

Либералы, наоборот, разделились на тех, кто рассматривает опустошение Чечни в качестве прискорбного ухаба на трудном пути России к стабильной демократии, и тех, кто активно поддерживает путинскую войну. Несмотря на всю конституционность требований чеченцев, весь мир практически единогласно считает независимость Чечни неприемлемой. «Первым требованием является исключение вопроса о формальной независимости из списка предметов для переговоров», заключает Джонатан Стил только на том основании, что Путин попросту не приемлет отделения Чечни. Анатоль Ливен считает право России вести войну в Чечне «неоспоримым», требуя в то же самое время «более детальной» оценки военных преступлений России. Кроме того, он также настаивает на том, что Запад занял более твердую позицию по отношению к Масхадову, заставляя его не только порвать с «террористами», но и бороться против них «вместе с российскими силами». Неискренняя поддержка Путина со стороны Блэра только лишь подчеркивает лицемерную избирательность его «гуманитарной интервенции».

Антиколониальная борьба

Принятое в сентябре 2004 года решение Путина о назначении награды за головы Басаева и Масхадова красноречиво говорит о его намерениях: никакого политического урегулирования ситуации с силами, выступающими за независимость

республики, не будет, ничего другого Чечню не ожидает, кроме очередного про-Кремлевского марионеточного режима, готового приласкать всех тех, чьей лояльностью можно заручиться или тех, чьи потребности взяли верх над принципами. Следуя израильской тактике заявлений типа «нет партнеров для мирных переговоров», Россия делает все возможное для сведения на нет потенциального диалога; неоднократные предложения Масхадова о начале мирных переговоров — в том числе о предоставлении Чечне статуса под протекторатом ООН в качестве промежуточной фазы на пути к независимости – услышаны не были.

Тем не менее, военное решение, которое Россия ищет в Чечне на протяжении последних 10 лет, вряд ли возможно. В 1994-1996 гг. Чечня одержала знаменательную победу против врага, значительно превосходившего по численности и вооружению, и хотя численность федеральных войск, развернутых в настоящее время на территории Чечни, делает практически невозможным крупные успешные операции, такие как захват Грозного в 1996 году, сама жестокость российской оккупации способствует продолжению сопротивления. А это в свою очередь означает, что неизменной остается самая поразительная черта постсоветской политики: определяющая роль, которую этот крохотный народ сыграл в судьбе несравнимо большего соседа. Чеченцы одержали верх над российской армией, подорвали президентство Ельцина, дали возможность Путину прийти к власти, а сейчас представляют главную угрозу стабильности России. И, несмотря на достаточное легкое продление его полномочий до 2008 года, постоянные потери в Чечне могут, в конце концов, стоить Путину также дорого, как и Ельцину.

Масштаб разрушений, имевших место в Чечне за последние 10 лет, десятки тысяч погибших, продолжающаяся жестокость оккупации, все это – неизменный упрек самодовольству западных правительств и граждан. Однако самым позорным аспектом как российской, так и западной реакции на события в Чечне – сочетания простого соучастия и молчаливого согласия – является последовательный отказ поддержать легитимные устремления чеченцев к независимости. И пустым отговоркам здесь не место. Чеченцы ведут антиколониальную борьбу,

сравнимую с той, которую вели другие колонии Европы в Африке или Азии в прошлом веке. Они никогда не признавали иностранного господства – «ни одно легитимное чеченское руководство никогда не подписывало никаких официальных документов, признающих российскую или советскую власть» – и неоднократно выступало с демократическим одобрением идеи суверенной государственности. Начальным пунктом любой дискуссии на эту тему должен быть тот факт, что чеченский народ имеет право на независимость, ровно как и любая другая нация.